

УДК 82-6

**ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ТЕКСТЫ
В.А. ЖУКОВСКОГО И А.С. ПУШКИНА:
К ВОПРОСУ О МЕТАПЕРЕВОДЕ**

И.А. Вяткина

Томский политехнический университет

E-mail: vyatkina@tpu.ru

Вяткина Ирина Анатольевна,
канд. филол. наук, доцент
кафедры лингвистики и
переводоведения Института
международного образования и
языковой коммуникации ТПУ.
E-mail: vyatkina@tpu.ru
Область научных интересов:
компаративистика, художест-
венный перевод, русская и
французская литература XIX в.

Рассматриваются вопросы русско-французского двуязычия русской литературы начала XIX в. и, в частности, феномен метаперевода на примере текстов В.А. Жуковского и А.С. Пушкина. Делается вывод о субстратной функции французского языка в процессе речепорождения на русском языке в силу особенностей коммуникативной ситуации, одновременно требующей и исключающей употребление французского языка как формы общения.

Ключевые слова:

Русско-французская диглоссия, эпистолярный, метаперевод, русская литература.

Key words:

Russian-French diglossia, epistolary heritage, meta-translation, Russian literature.

Особый интерес современного отечественного литературоведения к проблемам межкультурной коммуникации и рецепции зарубежных литератур русскими писателями способствует актуализации исследовательского внимания к роли французского языка и французской культуры в развитии русского литературного языка и словесности начала XIX в.

Влияние французской культуры и литературы в России начала XIX в. не ограничивалось лишь широким употреблением французского языка русским дворянством в устной речи и усвоением «французской романтической фразеологии с ее обилием перифраз, антитез и метафор» [1. С. 47] письменной речью на французском языке. Французская литературно-бытовая традиция оказала существенное воздействие и на русский литературный язык того времени. Это воздействие проявлялось не только в усвоении литературных канонов французской изящной словесности, но и в построении русской письменной речи по примеру французского языка.

Следы подобного влияния обнаруживаются, прежде всего, в сфере эпистолярного общения на русском языке, куда французский язык вторгается в виде невидимого, но легко реконструируемого субстрата русских писем. Даже в письмах на русском языке их авторы нередко употребляют транслитерацию или кальки с французского языка, строят русские предложения по синтаксическим образцам французского языка, переносят на русский язык французские куртуазные штампы и т. п.

В эпистолярном наследии писателей рассматриваемой эпохи нередко встречаются случаи, когда русское письмо, не имеющее прямого французского источника или французских вкраплений, являет собой яркий пример русско-французской диглоссии, поскольку представляется своеобразным переводом некоего текста, существующего в творческом сознании его автора. Обилие галлицизмов и типичных речевых конструкций французского языка в этих случаях позволяет предположить, что процесс создания данного русского текста представлял собой перевод мысли, изначально оформившейся во французских вербальных конструкциях.

Помимо небольших фрагментов русских писем, выстроенных по канонам французского языка и функционирующих, в основном, в качестве эпистолярных клише или устойчивых оборотов романтической фразеологии, у В.А. Жуковского встречаются письма, практически целиком являющиеся своеобразным переводом некоего несуществующего французского эпистолярного текста.

Выдающийся литературовед Е.Г. Эткинд определяет такой текст как «метаперевод», т. е. «текст, выдающий себя за перевод, однако не являющийся таковым ввиду отсутствия оригинала» [2. С. 119]. При этом метаперевод может носить подражательный характер, обобщая и имитируя стиль того или иного автора. В статье, посвященной влиянию поэзии Андре Шенье на творчество А.С. Пушкина, Е.Г. Эткинд цитирует, в частности, пушкинское стихотворение «Какой я прежде был, таков и ныне я» (1828), являющееся, по его мнению, метапереводом, в котором русский поэт «не только с удивительной точностью воспроизвел первый стих элегии XI (сохранив и параллелизм обоих полустиший, и повтор, и противопоставление “прежде – ныне”), но сохранил верность элегическому слогу Шенье» [2. С. 121–122].

Метапереводы характерны не только для авторского стиля А.С. Пушкина, но встречаются и в творческом наследии других поэтов начала XIX в. Такой метаперевод текста, присутствующего лишь в творческом сознании поэта, является обычной ситуацией в эпоху параллельного функционирования двух языков в одном обществе. Создавая письменный текст на русском языке, нередко его автор, владеющий в равной степени двумя языками, замышляет его сначала по-французски, переводя в конечном итоге оригинал, существующий лишь в его двуязычном сознании.

В эпистолярном наследии В.А. Жуковского примером таких писем, в которых французский язык является субстратом порождения смысла и речевых формул, являются письма к императрице Александре Федоровне из первого заграничного путешествия, из состава которых впоследствии выделились известные эстетические манифесты поэта «Рафаэлева Мадонна» и «Путешествие по Саксонской Швейцарии».

В период своего заграничного путешествия в 1820–1822 гг. В.А. Жуковский пишет императрице русские письма в соответствии со своей должностью учителя русского языка. Одновременно с этим он осознает, что Александра Федоровна еще не достаточно владеет русским языком для глубокого понимания русских текстов, поэтому все написанные Жуковским письма специально для нее будут переведены на французский язык. Поэт сам говорит об этом в своем письме к будущей императрице от 1 июня 1821 г.:

Моим переводчиком перед вами будет сам великий князь: это новая прелесть моей переписки с вашим высочеством [3. С. 222].

Зная о переводе, В.А. Жуковский осознанно или бессознательно строит русские фразы с учетом французского синтаксиса, как бы перекладывая некий французский текст на русский язык. Он сам осознает его нерусскую основу и предупреждает Александру Федоровну:

Но, как учитель русского языка, считаю обязанностию остеречь вас: не учитесь правильному русскому слогу из моих писем: я их не сочиняю, а пишу, как судьбе угодно, без всякой строгой правильности; мое перо иногда набредет на такую фразу, которую сам же я после, как критик, буду иметь честь представить вам в пример ошибки, и с этой стороны письма мои могут иметь особенную пользу для наших уроков [3. С. 224–225].

В этом отрывке В.А. Жуковский делает очень важное заявление: он письма не сочиняет, а пишет. Правильное и стилистически отточенное русское письмо требует большой работы, сочинительства. В.А. Жуковский же пишет «как судьбе угодно» и поэтому в письмах этого периода легко выделить их французскую основу.

Отрывки о Саксонской Швейцарии и Рафаэлевой Мадонне как будто переведены с французского языка. Наряду с отдельными кальками (*довольно устав от...*, *мы имели прелестный вид*) встречаются целые предложения, в которых автор письма следует правилам французской грамматики и словоупотребления. Например:

Я сделал его [путешествие] вместе с моим верным товарищем Олсуфьевым, и мы употребили на него целые три дни [3. С. 230].

В этих отрывках В.А. Жуковский часто употребляет относительные местоимения по французской модели: *мельница, которой колеса приводятся в движение; ангелами, которых присутствие более чувствуешь* и т. п. Кроме галлицизмов такого рода встречаются примеры управления глаголов по правилам французского языка: *производить на душе* (ср. фр. *produire sur*), *достичь до утеса* (ср. фр. *atteindre à un rocher*).

Другим примером галлицизмов являются семантические кальки, также широко распространенные в этих отрывках. Например, французское слово «*temps*», имеющее два значения «*время*» и «*погода*» в семантике В.А. Жуковского соединены в одном русском слове «*время*». Описывая погоду, В.А. Жуковский употребляет слово «*время*»: *время было несколько туманно, прояснившееся время прояснило и душу*. Поэт выбирает прямое значение французского слова вместо его существующего русского эквивалента. Это относится и к следующим примерам: *падение ручья* (ср. фр. *chute d'eau*), *несколько времени* (ср. фр. *quelques temps*), *подошва горы* (ср. фр. *piéd de montagne*), *предупредить посетителей* в значении «*прийти раньше*» (ср. французский глагол *prévenir*, имеющий значение «*предупредить*» и «*предвосхитить*») и т. д.

Целью написания писем-отчетов из первого заграничного путешествия являлось информирование Александры Федоровны о красотах и достопримечательностях Швейцарии и Германии. Только через какое-то время В.А. Жуковский поместил два отрывка из своих писем в «*Полярной звезде*» в виде отдельных законченных текстов. Такой опыт создания текста в форме путевых заметок, взятых из письма, был перенят впоследствии А.С. Пушкиным, написавшим в той же стилистической тональности послесловие к поэме «*Бахчисарайский фонтан*» под названием «*Отрывок из письма к Д.*» (середина декабря 1824 – первая половина декабря 1825) [4. С. 250–252].

«*Рафаэлева Мадонна*», «*Путешествие по Саксонской Швейцарии*» В.А. Жуковского и «*Отрывок из письма к Д.*» Пушкина очень близки в структурно-тематическом плане. Эти тексты, представляющие собой воспоминания о проделанном путешествии, являются художественными текстами с небольшим эпистолярным обрамлением. Однако если В.А. Жуковский вычленил свои эстетические манифесты из писем к императрице Александре Федоровне, то А.С. Пушкин, наоборот, включил ранее написанный текст в рамки эпистолярного жанра. Об этом свидетельствует тот факт, что литературная часть была написана А.С. Пушкиным ранее письма к Дельвиу.

Вслед за В.А. Жуковским А.С. Пушкин оформляет послесловие к «*Бахчисарайскому фонтану*» в виде отрывка из письма к некоему предполагаемому адресату («*Д.*») и нагружает его романтическими штампами. Эти составляющие романтического канона позволяют вынести пушкинский текст за пределы автобиографии. Для А.С. Пушкина письмо было не просто материалом для биографии, но и школой стиля. В данном случае поэт делает попытку выработки собственного прозаического стиля, беря за основу ранее написанные тексты В.А. Жуковского. Не случайно литературная часть письма А.С. Пушкина имеет черновик, что свидетельствует о тщательной работе автора именно над фрагментом, связанным с воспоминанием о путешествии.

Существенным различием текстов В.А. Жуковского и А.С. Пушкина является полное отсутствие галлицизмов или какого-либо иного влияния французского языка на язык и стиль «*Отрывка*» Пушкина. В.А. Жуковский при написании писем к Александре Федоровне опирается, прежде всего, на французскую языковую традицию, как бы переводя некий французский текст на русский язык, чтобы облегчить великому князю его обратный перевод на французский. Пушкин же отталкивается от традиции В.А. Жуковского и вырабатывает свой собственный прозаический стиль, свободный от французского влияния.

Опираясь на существующую практику В.А. Жуковского по созданию художественного текста, включенного в эпистолярный, А.С. Пушкин, в отличие от своего учителя, избегает французского влияния на язык и стиль своего собственного текста.

Феномен метаперевода, который в бытовых текстах и на уровне бытового устного общения являлся неизбежным следствием русско-французского билингвизма, поскольку любой акт устного или письменного рече- и смыслопорождения на любом из этих языков имел оттенок мысленной ориентации на параллельный альтернативный словесно-синтаксический и образный ряд, заслуживает особенного внимания. Он не только был отрефлектирован русской литературой, но и обрел в ней статус сюжетного мотива и характерологической категории в

одном из самых ярких явлений литературного метаперевода – «Письме Татьяны к Онегину» из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», репрезентированном как перевод автора с несуществующего оригинала.

В начале XIX в. письма женщинам писались на языке, принятом в культурном обществе того времени, – на французском. Легкого галантного русского языка, на котором можно было бы вести непринужденный разговор на бумаге, еще не было. Поэтому при написании письма от лица своей героини – Татьяны Лариной – Пушкин стал перед серьезной художественной проблемой: на каком языке писать письмо, являющееся частью поэтического текста, написанного по-русски? Русское письмо, написанное девушкой своему возлюбленному, выглядело бы неправдоподобно:

Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык... [4. С. 63]

Светские условности предписывали автору дать французский текст письма. А.С. Пушкин, не без долгих колебаний, разрешил эту проблему. В «Московском телеграфе» от 1827 г. со слов поэта сообщалось:

Автор сказывал, что он долго не мог решиться, как заставить писать Татьяну, без нарушения женского единства и правдоподобия в слог: от страха сбиться на академическую оду, думал он написать письмо прозой, думал даже писать его по-французски; но, наконец, счастливое вдохновение пришло кстати, и сердце женское запросто и свободно заговорило русским языком, не задерживая и не остужая выражений чувства справками со словарем Татищева и грамматикою Меморского [5. С. 252].

Письмо Татьяны, написанное по-русски, «оказалось смелым художественным приемом, решительно порывавшим с установившейся культурно-бытовой традицией» [5. С. 252]. Однако сам автор «Евгения Онегина» указывает на французскую природу письма Татьяны, которое он, якобы, перевел на русский язык:

.....Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный [4. С. 65].

В этом стихотворном тексте не только русские речевые обороты легко ложатся на устойчивые словесные конструкции французского языка: система его образов и повествовательных приемов восходит к многочисленным поэтическим штампам французской лирики и риторическим оборотам этикетной французской эпистолярной речи. Действительно, русские строки Пушкина легко ложатся на французский язык. Однако было бы неверным утверждать, что Пушкин написал текст письма на французском языке, а затем сам же перевел его на русский. В случае с «Письмом Татьяны к Онегину» речь идет, скорее, о метаперевode. Автор, опираясь на французскую языковую и литературную традицию, создает письмо на основе романтических штампов и клише французской литературы. Синтаксис и фразеология письма близки именно французскому языковому канону.

Эпистолярная ситуация, в которой девушка, читающая французские романы и говорящая по-французски, пишет письмо возлюбленному («Она по-русски плохо знала, // Журналов наших не читала // И выражалася с трудом // На языке своем родном» [4. С. 63]), требовала употребления французского языка. Татьяна Ларина «не владела письменным стилем и не могла свободно выражать в письме те оттенки чувств, для которых по-французски находила готовые, устоявшиеся формы» [6. С. 222].

В свою очередь французский язык в России начала XIX в. был ассоциативно связан с изящной словесностью: именно на этом языке читали фундаментальные произведения не только французских авторов (в оригинале), но и других представителей мировой литературы (во французских переводах). Использование французского языка в эпистолярном тексте неминуемо влекло за собой бессознательные или осознанные реминисценции, восходящие к французской литературной традиции, – естественным образом они представляли собой

репрезентативные штампы популярной среди русских читателей текстов французской словесности. А.С. Пушкин, соткав письмо своей героини из переведенных на русский язык, но хорошо узнаваемых в этом переводе фразеологических клише и реминисценций из тех произведений французской словесности, которые могла бы читать деревенская девушка (например, «Новая Элоиза» Руссо, элегия Марселины Деборд-Вальмор), не только воспроизвел образ билингвального и поликультурного массового сознания своей эпохи, но и создал в тексте письма Татьяны его эстетический концепт.

Комментаторы романа А.С. Пушкина (Ю.М. Лотман, В.В. Набоков [7. С. 383–393; 6. С. 227–231]) приводят общие места пушкинского текста и текстов французской изящной словесности, которые могли бы послужить источником для написания частей «письма Татьяны». Однако это не дословные переводы, а скорее схожие мотивы и образы, оформленные близкими лексическими средствами. Например, В.В. Набоков сравнивает строку пушкинского текста «Но вы... / Хоть каплю жалости храня, / Вы не оставите меня» с отрывком из «Валери» мадам де Крюднер: «Вы не откажете мне в своей жалости; вы прочтете мои строки без гнева» или с первым пространством письма Юлии Сен-Пре (Руссо, «Юлия», Ч. 1, письмо IV): «...если искра добродетели тлеет в твоей душе» [7. С. 387].

Есть в пушкинском тексте и галлицизмы – романтические клише, заимствованные из французской литературной традиции. Например, словосочетание «неопытная душа» (у А.С. Пушкина: «Души неопытной волненья», «Обман неопытной души») является калькой с французского: *une âme novice*.

Иностранность «Письма Татьяны» проявляется не только на содержательном уровне, она подчеркивается уже на уровне построения текста всего романа. А.С. Пушкин дает письмо вне строфической структуры «Евгения Онегина», выделяя его, таким образом, в отдельный текст внутри общей повествовательной канвы.

«Письмо Татьяны к Онегину» Пушкина, «Путешествие по Саксонской Швейцарии» и «Рафаэлева Мадонна» В.А. Жуковского являются наиболее эстетически насыщенными метапереводами не только в силу эстетического совершенства этих текстов, но и в силу наглядной очевидности психолингвистических аспектов своей поэтики. В коммуникативной ситуации, которая одновременно требовала и исключала французский язык как форму общения (например, русский текст романа в стихах А.С. Пушкина или должность учителя русского языка В.А. Жуковского), диалог естественно становится билингвальным: в творческом сознании автора такого текста автоматически всплывают штампы и конструкции французского языка, которые он произвольно перекладывает на русский язык, делая, таким образом, очевидной субстратную функцию французского языка в процессе речепорождения на языке русском.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриева Е.Е. Поэтика французских писем Пушкина // Проблемы современного пушкиноведения. – Л.: ЛГПИ, 1986. – С. 45–58.
2. Эткинд Е.Г. Метапереводы Пушкина (Андре Шенье в пушкинской поэзии) // *Restraductoria*: перевод и сравнительное изучение литератур. – СПб.: Наука, 2001. – С. 119–128.
3. Письма В.А. Жуковского к великой княгине Александре Федоровне из первого его заграничного путешествия в 1821 году // Русская старина. – 1901. – № 10. – С. 221–240.
4. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. – Т. 6, 13.
5. Гроссман Л.П. Культура писем в эпоху Пушкина // Любовный быт пушкинской эпохи: В 2 т. – М.: Наука, 1994. – Т. 2. – С. 248–255.
6. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». – Л.: Просвещение, 1983. – 416 с.
7. Набоков В.В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / Пер. с английского. – Под ред. А.Н. Николукина. – М.: НПК «Интелвак», 1999. – 1008 с.

Поступила 24.10.2011 г.